

Огоньки под кожей

Ощущения были такие, как будто у него под кожей бегают маленькие огоньки. Так он пытался объяснить, что с ним происходит. Что ему *больно*.

Его звали Чарли Овид, и, судя по догадкам судьи, ему было лет шестнадцать. Несмотря на то что всю жизнь парня поролли и избивали, на его теле не было ни одного шрама. При росте в шесть футов — больше, вероятно, ему уже не вырасти — он оставался худым, со впалой, как у маленького мальчишки, грудью. На руках его выступали жилистые мышцы. Он и сам не знал, почему его тело устроено так, как оно устроено, но считал, что Бог здесь ни при чем, и, уже немного разбираясь в жизни, понимал, что лучше это держать при себе. Мать его была черной, а отец белым, и это в мире, где на него смотрели, как на какое-то чудовище.

Парень не мог назвать ни года, ни даже месяца своего рождения, но был сообразительнее, чем считали окружающие, и даже умел немного читать и писать свое имя, если ему давали для этого достаточно времени. Он родился в Лондоне, в Англии, но его отец мечтал о Калифорнии, о лучшем мире. И возможно, он даже нашел бы дорогу в такой мир, проживи он достаточно долго. Но он умер в одной из тех повозок, что вереницей пересекали Техас, к югу от Индейской территории, оставив Чарли и его мать на произвол судьбы. Накопленных денег им хватило лишь на то, чтобы вернуться на восток через

Луизиану. После этого они стали обычными чернокожими бродягами в стране, где их и без того было полно, а когда пять лет спустя мать Чарли заболела и умерла, у него не осталось ничего, кроме ее обручального кольца. Оно было серебряным, с гербом из скрещенных молотков на фоне пылающего солнца, и мальчик, которому не было еще и десяти, держал его в руках и рассматривал при свете фонаря, вспоминая запах матери, восхищаясь своим отцом, который подарил ей его в знак любви, и пытаясь представить, кем он был. Чарли до сих пор прятал это кольцо в рукаве. Никто не смел отнять его у него.

Мать знала о способностях сына, о том, что он может исцелять себя. И все равно любила его. Но он изо всех сил старался скрыть эту особенность от остальных, и такая секретность — как и дар исцеления — помогала ему выживать. Выжил же он на речных работах к югу от Натчеза в штате Миссисипи и в темных лачугах, разбросанных вокруг того же города неподалеку от Ривер-Форкс-Роуд. Но теперь, стоя в кандалах посреди темной подсобки на складе, он не был уверен, что выживет и на этот раз. Все, чему он когда-либо был свидетелем на протяжении своей короткой жизни, научило его одной и той же печальной истине: в конце концов все тебя бросают. В этом мире у тебя есть только ты сам.

На нем не было ни ботинок, ни куртки, домотканую рубашку покрывали пятна крови, брюки истрепались. Его держали на складе, а не в тюрьме, потому что жена шерифа якобы боялась его. Хотя, скорее всего, так и было. Он находился здесь уже две недели, с кандалами на лодыжках и наручника-ми на запястьях. Иногда приходил помощник шерифа с другими белыми мужчинами, которые несли в руках дубинки и цепи; они ставили фонарь на пол и среди безумного хоровода теней избивали его ради забавы, а потом со смехом наблюдали, как затягиваются его раны. Но даже несмотря на быстрое исцеление, кровь была настоящей, как и ощущаемая им боль. И ужас, который он испытывал, лежа и плача в темноте, тоже был настоящим.

После этого он мог лишь в крошечной темноте переползая от стены к стене, чувствуя, как горят огоньки на его ранах и как течет из глаз и носа; двигался он осторожно, чтобы не опрокинуть помойное ведро. Наручники постоянно соскальзывали с его худых запястий, пока шериф не принес другие, специально выкованные для него кузнецом. Единственной мебелью в комнате была скамья, подвешенная к стене на ржавых цепях, и он ложился на нее, когда считал, что уже настала ночь, и иногда пытался заснуть.

Когда со стороны улицы слышались голоса, он как раз лежал на скамье. Время было не обеденное, он точно знал: его кормили только два раза в день, и еду приносил помощник шерифа на подносе, застеленном марлей, прямо из кухни, расположенной на соседней улице, причем старался как можно более смачно плюнуть в миску, прежде чем поставить ее на пол. Чарли ненавидел его, ненавидел и боялся, его пугала непринужденная жестокость этого человека, то, как он называл Чарли «полукровкой», пугал его грубый смех. Но больше всего мальчик боялся его взгляда, говорившего о том, что он, Чарли, всего лишь животное, а вовсе и не человек.

Снаружи слышался лязг отодвигаемых засовов большой двери склада, а затем медленный стук приближающихся сапог. Дрожа от страха, Чарли поднялся на ноги.

Он убил человека. Мужчину. Белого. Так ему сказали. Того самого мистера Джессапа, который расхаживал по речной пристани, куда причаливали пароходы, идущие на юг в Новый Орлеан и на север в Сент-Луис. Который держал в руке хлыст, как будто на дворе все еще был 1860 год, как будто не было войны, не было никакой отмены рабства, а обещание свободы еще не обернулось ложью. Человек, которого он убил, несомненно, заслуживал смерти — он был в этом уверен и не ощущал угрызений совести. Но дело в том, что Чарли ничего не помнил об убийстве. Он узнал о случившемся, потому что на разбирательстве все говорили о том, что это его рук дело. Обвинения подтвердил даже старина Бенджи с вечно печальным взглядом и дрожащими руками: «Ага, среди бела дня, сэр.

Ага, на платформе лесопилки, сэр». В тот раз Чарли решили выпороть за какой-то проступок, и экзекуция продолжалась так долго, что он почувствовал, как порезы начинают закрываться. Мистер Джессап тоже увидел это, разозлился и принялся грязно ругаться, призывая на чертенка дьявола. Чарли в страхе развернулся — должно быть, слишком быстро — и врезался в мистера Джессапа, а тот упал на платформу и смешно ударился головой, после чего затих. Но когда мальчика попытались пристрелить, пули выходили из его плоти на глазах у изумленных палачей. Тогда его снова привязали к столбу, прицелились как следует, но все равно не смогли убить и уже не знали, что с ним делать.

Шаги остановились. Послышалось звяканье связки ключей и скрежет железных замков, а затем тяжелая дверь содрогнулась. По всему складу эхом разнесся звук удара дубинки по металлу.

— Встать! — крикнул помощник шерифа. — К тебе посетители, парень. Стой ровнее!

Чарли вздрогнул и прислонился к дальней стене. Холодные кирпичи уперлись ему в спину. Он держал руки перед лицом и дрожал. До сих пор никто никогда не приходил к нему.

Мальчик сделал глубокий испуганный вдох.

Дверь распахнулась.

Элис Куик, усталая и глубоко разочарованная во всем мире, с сжатыми кулаками и побелевшими от напряжения костяшками, стояла у разрушенного склада в Натчезе и наблюдала, как по крутой улочке к ней неспешно приближается ее партнер Коултон. Прошло четыре дня с тех пор, как в прибрежной забегаловке в Новом Орлеане она сочла, что нужно поближе познакомиться нос некоего джентльмена с медной поверхностью барной стойки, и только револьвер Коултона и их последующий поспешный уход предотвратили почти неминуемое кровопролитие. В последнее время ее все больше раздражала бесцеремонная манера некоторых мужчин носить женское

платье, словно в этом нет ничего предосудительного. Ей было уже за тридцать, но она оставалась незамужней, да и никогда не желала этого. С детства она выживала с помощью насилия и своего ума, и этого ей казалось достаточно. Турнюрам и корсетам она предпочитала брюки, а на широких плечах носила длинный плащ из промасленной кожи с подвернутыми рукавами, скроенный для ночных сторожей. Когда-то он был черным, но теперь местами выцвел и стал почти серым; украшали его потускневшие серебряные пуговицы. На лоб ей спадали жирные и спутанные волосы соломенного цвета, которые она сама подстригла до приемлемой длины. Ее можно было назвать почти красивой — миловидное лицо с вытянутым подбородком, тонкие черты, — но в глазах этой женщины застыла жестокость, сломанный много лет назад нос был плохо вправлен, и улыбалась она не настолько часто, чтобы привлечь внимание мужчин. Это ее вполне устраивало. Она была женщиной-детективом, и добиться серьезного отношения к себе было довольно трудно и без того, чтобы ее чертову руку целовали на каждом шагу.

Коултон же тем временем, казалось, нисколько не спешил, неторопливо прогуливаясь под зелеными тополями. На ходу он лениво нахлобучил на голову шляпу-котелок и зацепился большим пальцем за карман жилета. Их окружала тишина обшарпанного речного городишки со все еще красивыми зданиями своеобразной архитектуры, построенными на костях рабов, — красивыми, как ядовитый цветок. Коултон шел от дома шерифа, рядом с которым располагалась маленькая кирпичная тюрьма.

Элис начинала ненавидеть эту работу.

Первую сироту, девочку по имени Мэри, она нашла в марте прошлого года в одном из пансионатов в Шеффилде, Англия. Второй ребенок пропал еще до того, как они добрались до Кейптауна в Южной Африке. Впоследствии обнаружилась только его недавно вырытая могила с маленьким деревянным крестом. Он умер от лихорадки и был погребен за счет дамского благотворительного общества. Коултон рассказывал

о других — из Оксфорда, Белфаста и самого Уайтчепела. В июне они отплыли в Балтимор и забрали из местного рабочего дома девочку, а позже направились на юг к Новому Орлеану, где оплатили проезд на пароходе вверх по реке. И вот теперь они здесь, в Миссисипи, разыскивают некоего Чарльза Овида, кем бы он ни был.

Больше она ничего не знала, потому что ей не предоставили никаких сведений, кроме имени ребенка и адреса городского суда Натчеза. Так все и работало. Она не задавала вопросов, просто приступала к делу. Иногда ей сообщали только название улицы, или района, или лишь города. Неважно. Она всегда находила их.

Несмотря на жару, Коултон был одет в желтый клетчатый костюм. Усы его нелепо нависали над нижней челюстью. Он был почти лысым, но тщательно причесывал оставшиеся редкие волосы, то и дело поднимая руку, чтобы пригладить их. Это, пожалуй, был самый надежный человек из всех, кого она знала за всю свою жизнь, — надежный и вежливый, как какой-нибудь образцовый англичанин среднего класса. Но Элис сама видела, как он с яростью пронесился сквозь толпу в прокуренном пабе в Дептфорде, оставляя за собой трупы, и знала, что легкомысленно к нему относиться нельзя.

— Нет его там, — сказал Коултон, наконец-то подойдя поближе. — Его держат на складе.

Он медленно обмахнулся котелком и вытер лицо носовым платком.

— Похоже, жена шерифа не захотела оставлять его с другими.

— Потому что он черный?

— Ну, не то чтобы. Думаю, у них в каталажке полно таких. Она ждала.

— Придется посидеть с местным судьей, послушать, что он скажет, — продолжил Коултон. — Шериф согласился на встречу вечером. С юридической точки зрения парень не является чьей-то собственностью, но, похоже, на деле это

почти так и есть. Насколько можно судить, он вроде как приписан к депо.

— И что он натворил?

— Убил белого мужчину.

Элис подняла глаза.

— Ага. Вроде как несчастный случай на пристани, где он работал. Ссора с надзирателем, тот упал с платформы, ударился головой и упал замертво. Возможно, не такая уж и большая потеря для мира. Шериф не считает, что убийство было *намеренным*, но для него это и неважно. Что случилось, то случилось, назад уже ничего не вернешь. Парня осудили и признали виновным. Приговор привели в исполнение.

— Привели в?..

Коултон развел руками:

— Пристрелили его. Шесть дней назад. Но не сработало.

— Что значит «не сработало»?

Коултон обернулся и, заслонившись рукой от солнца, посмотрел на тюрьму.

— Ну, в общем, парень еще дышит. Вот что это значит. Жена шерифа утверждает, что ему все нипочем.

— Держу пари, самому ему так не кажется.

— Ну да.

— И потому его заперли на складе. Не хотят, чтобы белые горожане расправились с ним по-своему.

— Мисс Куик, они не хотят, чтобы белым горожанам вообще было что-то *известно*. Что касается добропорядочных жителей Натчеза, то они уверены, что Чарльза Овида застрелили в тюрьме шесть дней назад. Ему уже вырыли могилу.

«*Ему все нипочем*». Элис надула щеки. Она издавна ненавидела распространенные в маленьких городках суеверия. Этим людям нужна лишь причина, любая причина, чтобы продолжать избивать чернокожего подростка, убившего белого человека. И нелепое предположение о том, что тому все нипочем, приходилось им как нельзя кстати.

— Так что же они собираются делать? — спросила она. — Ну, то есть что бы они с ним сделали, если бы не явились мы и не предложили бы забрать его?

— Думаю, его все же собираются похоронить.

Элис помолчала.

— Но если они не могут его убить...

Коултон перехватил ее взгляд.

И тут до нее дошло. Они собираются похоронить его *заживо*. Она отвела глаза в сторону:

— Дерьмовое место.

— Что есть, то есть.

Коултон прищурился в том направлении, куда был устремлен ее взгляд, ничего не увидел и, подняв голову, посмотрел на безоблачное небо.

По улице к ним приближались двое мужчин, силуэты которых расплывались в раскаленном воздухе. Они шли пешком, без лошадей, оба в костюмах. Мужчина повыше горизонтально перед собой держал винтовку. Шериф и его помощник, как предположила Элис.

— Что бы вы хотели с ними сделать? — тихо спросила она.

— Думаю, то же, что и вы, мисс Куик, — ответил Коултон, надевая обратно свой котелок и оборачиваясь. — Только наши работодатели этого не одобрили бы. Правосудие — это просто ведро с дыркой в дне, как говаривал мой отец. Вы готовы?

Элис потерла костяшки пальцев.

Она проработала с Фрэнком Коултоном тринадцать месяцев и уже почти начала ему доверять — по крайней мере, больше, чем всем остальным. Он нашел ее по объявлению, которое она разместила в газете «Таймс». Однажды он, сжимая в кармане пальто газетную вырезку, поднялся по искореженным от влаги ступеням дома в Дептфорде, где она тогда жила. Из рта его вылетал пар, будто на морозе. Прежде всего он захотел удостовериться в ее профессионализме. Снаружи по сырому переулку расходился желтый туман. По его словам,

он кое-что слышал о том, что она проходила обучение в агентстве Пинкертона в Чикаго и что однажды в доках Ост-Индии избила мужчину до потери сознания голыми руками. Верны ли его сведения?

«Что есть истина? — подумала она с раздражением. — Что вообще значит это слово?»

С четырнадцати лет она выживала благодаря мелкому воровству на улицах Чикаго — вот что истина. Как истина и то, что ее мать, которую она не видела почти двадцать лет, поместили в психиатрическую лечебницу для преступников, а больше у нее никого не было во всем мире. В восемнадцать лет она влезла не в тот карман, и схватившая ее за запястье рука оказалась рукой Аллана Пинкертона, частного детектива, железнодорожника и агента разведки северян, но вместо того, чтобы сдать ее в полицию, он предложил ей поступить к нему на обучение, и, к своему удивлению, она согласилась. Он обучил ее искусству работы под прикрытием. Она занималась этим восемь лет и делала свою работу отлично, что могли бы подтвердить десятка два ублюдков, которых она засадила за решетку: это читалось в их полных ненависти глазах, когда они сплевывали и вытирали рот. Но когда управлять агентством стали сыновья Пинкертона, ее отстранили от работы только потому, что она была *«хрупкой»* женщиной, *не подходящей для детективной работы*. Когда Уильям Пинкертон объявил ей, что она уволена, Элис пробила кулаком стену в его кабинете.

— Какая *хрупкая* у вас стена, — сказала она.

После этого единственным местом, где она смогла найти работу, оказались ипподромы вдоль восточного побережья, а когда иссякла и эта возможность, она купила билет на рейсовый пароход до Лондона (куда же еще) — почему бы и нет? По другую сторону океана лежал темный город, полный порока, головорезов и туманных, освещенных тусклыми газовыми фонарями переулков, — даже женщина-детектив из Чикаго с волосами цвета мутной серы и похожими на молотки кулаками смогла найти в нем занятие по душе.

Шериф с помощником приближались по жаркой улице, вежливо кивая. Последний насвистывал себе под нос какую-то мелодию, плохо и не в такт.

— Мистер Коултон, мы могли бы пройти вместе, — сказал шериф. — А вы, должно быть, миссис...

— *Мисс* Куик, — представил ее Коултон. — Не позволяйте ее прекрасной внешности обмануть вас, джентльмены. Я привел ее с собой для своей защиты.

Шерифу такое заявление, по всей видимости, показалось забавным. Его помощник держал винтовку, изучая Элис, как некое странное существо, выброшенное из реки на берег, но в его глазах не было ни презрения, ни враждебности. Перехватив ее взгляд, он робко улыбнулся.

— Давненько к нам не приезжали гости из-за границы, — сказал шериф. — Еще с довоенных времен. А ведь когда-то тут прохода не было от разного народа. Французы, испанцы. Однажды здесь даже как-то проживала русская графиня, не так ли, Олвин? Тоже отличалась своеобразным поведением...

Олвин, помощник, покраснел.

— Да, отец что-то рассказывал. Но сам-то я плохо помню. Кстати, я тоже еще не женат, мисс.

Прикусив язык, Элис воздержалась от колкого ответа и только спросила:

— Где мальчишка?

— Ах да. Вы же приехали за Чарли Овидом. — Лицо шерифа потемнело от сожаления. — Тогда идите.

На мгновение замолчав, он поправил шляпу и нахмурился:

— Не знаю, правильно ли я поступаю. Но учитывая, что вы проделали такой путь и что позже побеседуете с судьей, думаю, особой проблемы тут нет. Просто не хочется, чтобы вы распространялись о том, что увидите. Этот мальчишка сейчас у нас самая большая мозоль. Просто проклятие какое-то.

— Порождение зла, — пробормотал помощник. — Вроде тех, из Библии.

— Каких именно? — спросила Элис.

Он снова покраснел.

— Приспешников Сатаны. Тех монстров, чудовищ, что он создал.

Элис остановилась и оглядела его с головы до ног.

— В Библии такого нет. Вы имеете в виду Левиафана и Бегемота?

— Тех самых.

— Это порождения Господа. Их создал Бог.

На лице помощника отразилась неуверенность.

— О, не думаю, что...

— А стоило бы.

Шериф отпирал тяжеленную дверь склада, замок за замком.

— Англия, говорите, — пробормотал он. — Далековато для черномазого пацана.

— Так точно, — только и кивнул стоявший у него за спиной Коултон.

На последнем замке шериф остановился и оглянулся.

— Знаете, сдастся мне, судья ни за что не отпустит этого парня, — произнес он самодовольно. — Ни с вами, ни с кем бы то ни было еще.

— Надеюсь, вы ошибаетесь, — сказал Коултон.

— Ну, тут ничего личного. — Шериф изобразил подобие улыбки. — Кстати, мне самому всегда хотелось увидеть Англию. Моя все время твердит: «Билл, может, пора тебе повесить шпоры на гвоздь да отправиться вместе со мной в путешествие». Ее родители из Корнуолла. Не знаю даже, может, я уже и староват для того, чтобы странствовать по миру, словно бродячий лудильщик. Но путь точно неблизкий, я вам скажу.

На складе было темно, чувствовался слабый кислый запах хлопка и ржавчины. Воздух был удушливый, густой. Сразу за дверью на вбитых в стену гвоздях висели два старых фонаря. Помощник шерифа снял один из них, открыл стеклянную дверцу и кремнем поджег фитиль, после чего закрыл за посетителями дверь. Фонарь свободно раскачивался в его кулаке. Элис разглядела во мраке очертания огромных механизмов, крюков и цепей, длинными петлями свисавших со стропил. Шериф провел их через весь склад к мрачному коридору,

стены которого были изрешечены дырами, словно от пуль. Сквозь них пробивался дневной свет. Вдоль противоположной от них стены виднелись очертания дверей, ряд которых завершала одна толстая железная дверь с несколькими замками. Здесь шериф ненадолго задержался.

Его помощник поставил фонарь на пол и с размаху ударил прикладом винтовки по двери.

— Встать! — крикнул он. — К тебе посетители, парень. Стой ровнее!

Повернувшись к Элис, он почти смущенно добавил:

— Не знаю даже, как он там, мисс. Только не пугайтесь. Он немного смахивает на животное.

Элис ничего не сказала.

Дверь распахнулась. Внутри царил кромешная тьма. В нос ударило ужасное зловоние: запах невымытой плоти, грязи и испражнений.

— Боже правый, — пробормотал Коултон. — Это он?

Шериф прижал платок ко рту и степенно кивнул. Помощник протянул ему фонарь и осторожно вошел внутрь каморки. Элис разглядела прижавшегося к дальней стене паренька, высокого и худого. На запястьях и на щиколотках у него были кандалы, отбрасывавшие отблески света. Проскользнув внутрь, она окинула взглядом потрепанные штаны, запятнанную кровью рубаху и увидела застывший в глазах подростка ужас. Однако лицо мальчика было гладким, точеным, без синяков и отеков, а ресницы — длинными и темными. Она ожидала увидеть нечто ужасное, но то, что предстало перед ее глазами, можно было назвать скорее странным. Маленькие оттопыренные уши торчали, как ручки чашек. Паренек поднял ладони перед собой, желая защититься от возможных побоев или же будто от света, резавшего ему глаза. Цепи тихо позвякивали в такт его дыханию.

— В жизни не видел ничего подобного, — произнес помощник шерифа едва ли не с восхищением, а потом обратился к Элис: — И никто из нас бы не поверил, не увидь мы это собственными глазами. Все это пятна от его собственной

крови, но на нем не осталось ни царапины. Ударь его дубинкой — он лишь отскакивает. Пырни ножом — рана тут же затягивается. Клянусь, одного этого почти достаточно, чтобы поверить в дьявола.

— Да уж, — пробормотала Элис, в тусклом свете оглядывая помощника.

— Давай, Олвин, покажи им, — сказал шериф.

Мальчик втянул голову в плечи.

— Ради бога, мистер Коултон! — пожалуй, несколько громче, чем следовало бы, воскликнула Элис.

Коултон вытянул руку, останавливая помощника шерифа.

— В этом нет необходимости, Олвин, — сказал он спокойно. — Мы верим вам. Потому мы и здесь.

Достав из кармана письмо с инструкциями, написанное их работодателем в Лондоне, он развернул его и поднес к свету. На конверте красовался герб Карндейла. Сургучная печать напоминала кровавый отпечаток большого пальца.

От Элис не укрылось, что Чарльз Овид тоже обратил на конверт внимание. Подросток затих, по-кошачьи затаился, и лишь глаза его продолжали блестеть в полутьме.

Каморка была вытянутой, но узкой. Элис шагнула вперед, чувствуя, как в ней закипает отвращение при мысли об этих двух мужчинах и их обращении с несчастным бедолагой. Что бы там ни говорил ей Коултон, она понимала, что раны сами по себе не заживают. Черт, некоторые из них вообще никогда не заживают. Об этом она тоже знала не понаслышке.

Она сняла перчатки, обнажив красные с синяками костяшки, и посмотрела на надетые на парня кандалы.

— Для начала можно снять вот это, — бросила она через плечо. — Олвин?

Никто не пошевелился. Шериф посмотрел на Коултона.

— Всё в порядке, сэр, — сказал Коултон, опуская конверт обратно к себе в карман жилета. — Уверяю вас. Так нужно для исследования.

Помощник шерифа прошел в дальний конец, опустился на колени, раскрыл кандалы, а затем поднялся и снял с парня

наручники. Потом отошел назад, держа в руках позвякивающие цепи.

Элис подошла к Овиду и взяла его за руки — мягкие, без синяков и царапин. К ее удивлению, на них не было даже мозолей. Но паренек заметно дрожал.

— Так лучше? — тихо спросила она.

Овид ничего не ответил.

— Мисс, — недовольно встрял шериф. — Дамам лучше не прикасаться к таким. По крайней мере, здесь, в Натчезе. Отойдите, пожалуйста.

Элис пропустила его слова мимо ушей. Приподняв подбородок Овида, она взгляделась в его глаза. Вопреки всем пережитым испытаниям, вопреки дрожи и тревоге, он смотрел на нее спокойным, умным взглядом, в котором не читалось никакого страха. Лишь спокойствие и уверенность ребенка, который с ранних лет привык полагаться только на себя. Другие, вероятно, этого не замечали. Но ей это было очевидно.

— Мисс, — снова обратился к ней шериф.

— Чарльз Овид, — прошептала она, не в силах сдерживать возмущение в голосе. — Чарли, да? Меня зовут Элис. А это мистер Коултон. Люди, на которых мы работаем, послали нас, чтобы помочь тебе и увезти тебя отсюда.

Она скорее ощутила, чем услышала приближение шерифа, который взял ее под руку и уверенно, но не грубо отвел в сторону.

— Этот вопрос можно обсудить с судьей. А до тех пор мы будем поддерживать порядок.

Но Элис не сводила глаз с Чарли Овида.

Если он и понял ее, то не подал вида, лишь вздрогнул при приближении шерифа и опустил глаза, все так же дрожа в свете фонаря.

Позже тем же вечером Элис с Коултоном сидели в кабинете судьи в прекрасном здании суда, окна которого выходили в сквер. На ней было длинное синее платье с туго затянутым

корсетом, и всякий раз, как она шевелилась, ей приходилось с трудом втягивать в себя воздух. Она ненавидела эти неудобства, как ненавидела и слишком мягкие кудри, в которые были завиты ее свежевывмытые волосы, ненавидела помаду на губах. В окна проникали лучи вечернего солнца и путались в занавесках. Судья прошелся по кабинету, включив один за другим газовые светильники, а затем вернулся к своему столу и сел. Он только что пообедал и еще не надел пиджак. Посмотрев на Элис, он перевел взгляд на Коултона.

— Прекрасный вечер, — сказал он, разглаживая свои длинные усы.

Абсолютно пустой, сияющий в красных лучах заходящего солнца стол был сделан из орехового дерева. Судья был грузным мужчиной с дряблой шеей. Элис поразила алебастровая белизна его рук, которые он положил на стол перед собой.

— Не знаю, что именно сказал вам шериф, ваша честь, но хочу заверить, что мы представляем эдинбургский институт Карндейл. Мы приехали из-за мальчика, Овида.

Он достал из лежавшего рядом с ним портфеля письма с документами и рекомендациями и передал их судье. Тот одну за другой изучил бумаги.

— Это какого-то рода клиника?

— Да, сэр.

Судья кивнул:

— Билл говорит, вы хотите забрать мальчишку с собой. Это так?

— Да, сэр.

— Я вот чего не понимаю. Как в вашем институте вообще узнали о существовании этого мальчишки? Вы же, должно быть, отправились из Эдинбурга... сколько... недели четыре назад? Или даже шесть? Тогда он еще никого не прикончил. Представить себе не могу, что на этом свете до него кому-то вообще было дело. Нигде, ни в каких записях он не числится. Все равно что призрак, мистер Коултон.

Коултон кивнул:

— Верно, ваша честь.

— И?

Коултон бросил взгляд на Элис и отвел глаза в сторону.

— В Карндейле стараются брать на заметку все подобные случаи. И предвидеть возможные. В некоторых случаях там заранее прослеживают родословную... подозреваемых.

Коултон развел руками:

— Даже не буду делать вид, что понимаю их методы. Я только знаю, что сотрудники института уже несколько лет искали родственников Чарльза Овида с тех пор, как их внимание привлек его дядя.

Судья двумя пальцами постучал по бумагам и повернулся лицом к окну.

— Знаете, мы убивали этого мальчишку уже дважды, — пробормотал он. — Полагаю, Билл боится его.

— Трижды, — вставила Элис.

Коултон перекинул ногу на ногу, разгладил брюки, повертел в руках шляпу.

— Это... просто особое медицинское состояние, ваша честь. Ничего больше. Вы же образованный человек, сэр, если можно так выразиться. Сами знаете, как легко напугать людей тем, чего они не понимают.

Судья наклонил голову:

— Не просто каких-то людей. Меня он тоже пугает.

Солнечный свет угас, тени от газовых фонарей выхватывали из темноты скуластое лицо судьи, морщины вокруг его усталых глаз.

— Но как это связать с проблемой правосудия? Чарльз Овид убил человека.

— Да, сэр, убил.

— *Белого*, — подчеркнула Элис. — Разве не в этом заключается главная проблема?

— Да, мэм, белого. Я знал Хэнка Джессапа. Возможно, его и нельзя было назвать джентльменом, но он был честен и порядочен. Каждое воскресенье я видел его в церкви. Целый город возмущенных граждан заваливает меня гневными

письмами о том, куда катится наш округ. Половина из этих людей настроена на старое доброе линчевание.

— А другая половина? — едким тоном спросила Элис.

— Чарльза Овида казнили на прошлой неделе в частном порядке, — прервал ее Коултон. — Насколько я знаю. И насколько всем известно.

— Не совсем. Для начала есть Билл с Олвином. Еще малыш Джимми Мак, который находился в тюрьме той ночью. И жёны. Жёны Билла и Олвина. Дам руку на отсечение, что они тоже знают правду.

— Не забудьте тех, кому помощник шерифа целую неделю позволял избивать мальчишку ради забавы, — горько добавила Элис.

Судья молча посмотрел на нее.

— Ваша честь, если позволите, — поспешил сказать Коултон. — Кто поверит, что в тюрьме Натчеза в цепях сидит черномазый мальчишка, которого не берут даже пули? В этом есть что-то библейское. Словно некое чудо. Это просто невозможно, что бы там ни болтали жёны помощников за чашкой чая. Подумаешь, досужие сплетни. Разве кто-то станет возражать, если вы выступите с официальным заявлением о казни преступника?

— Но это будет ложь, — сказал судья.

— Так ли? — хмыкнул Коултон, разглаживая брюки. — Единственная проблема — это ходячий труп, от которого, похоже, вам не удастся избавиться. Мальчишка, совершивший убийство, помер. Перестал дышать. Неважно, что позже он вернулся к жизни. Приговор был приведен в исполнение, справедливость и правосудие восторжествовали. Я ни в коей мере не утверждаю, что это какой-то рядовой случай. Но в том, что касается правосудия, я не вижу никаких затруднений. Да, те, кто знает, что он до сих пор расхаживает по белому свету, могут не согласиться. Но вот вам и решение: мы представляем шотландскую клинику, и заверяю вас, что если вы отдадите мальчишку нам, то он никогда не вернется в Натчез, штат Миссисипи. Пока такое физиологическое состояние изучено

не до конца, но, насколько можно судить, оно обычно приводит к летальному исходу. Мальчишке осталось жить от силы несколько лет.

— «Несколько лет»?

— Да, сэр.

— Так почему бы мне не назначить ему десять лет каторги?

— А избирателям это не покажется слишком мягким наказанием?

Элис наблюдала, как судья впитывает все это. Всю свою жизнь она знала мужчин, подобных этому, мужчин, которые были убеждены в своей правоте, самодовольно взирая на нее, как на «красивую штучку», и не желая выслушивать никакие доводы тех, кого считают ниже себя. На мгновение ей пришло в голову, что она должна постараться соответствовать его ожиданиям: восхищаться им, поддакивать, мило болтать, хлопать ресницами. Но нет. Она до такого не опустится.

Судья в полумраке изучал посетителей, сложив пальцы домиком. Затем вздохнул, повернулся и посмотрел в окно.

— Моя хозяйка печет такой яблочный пирог, какого вы никогда в жизни не пробовали. Три года подряд этот пирог получал голубые ленты на пикнике Дочерей Конфедерации. И сейчас на моей кухне на тарелке лежит холодный кусок этого пирога. Мне жаль, что вы проделали такой долгий путь.

Коултон прочистил горло и встал. Элис тоже встала, ощущая, что ее платье задирается до самых щиколоток. Коултон вертел в пальцах свою шляпу.

— Может, не стоит торопиться, сэр? Обдумаете все как следует сегодня вечером и ночью, а завтра утром мы могли бы вернуться и...

— Мистер Коултон. Я согласился встретиться с вами только из вежливости, вот и всё.

— Ваша честь...

Судья поднял руку.

— Ваш мальчишка покинет камеру только в ящике из соснового дерева, — тихо произнес он. — И мне все равно, будет он в нем шевелиться или нет.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

